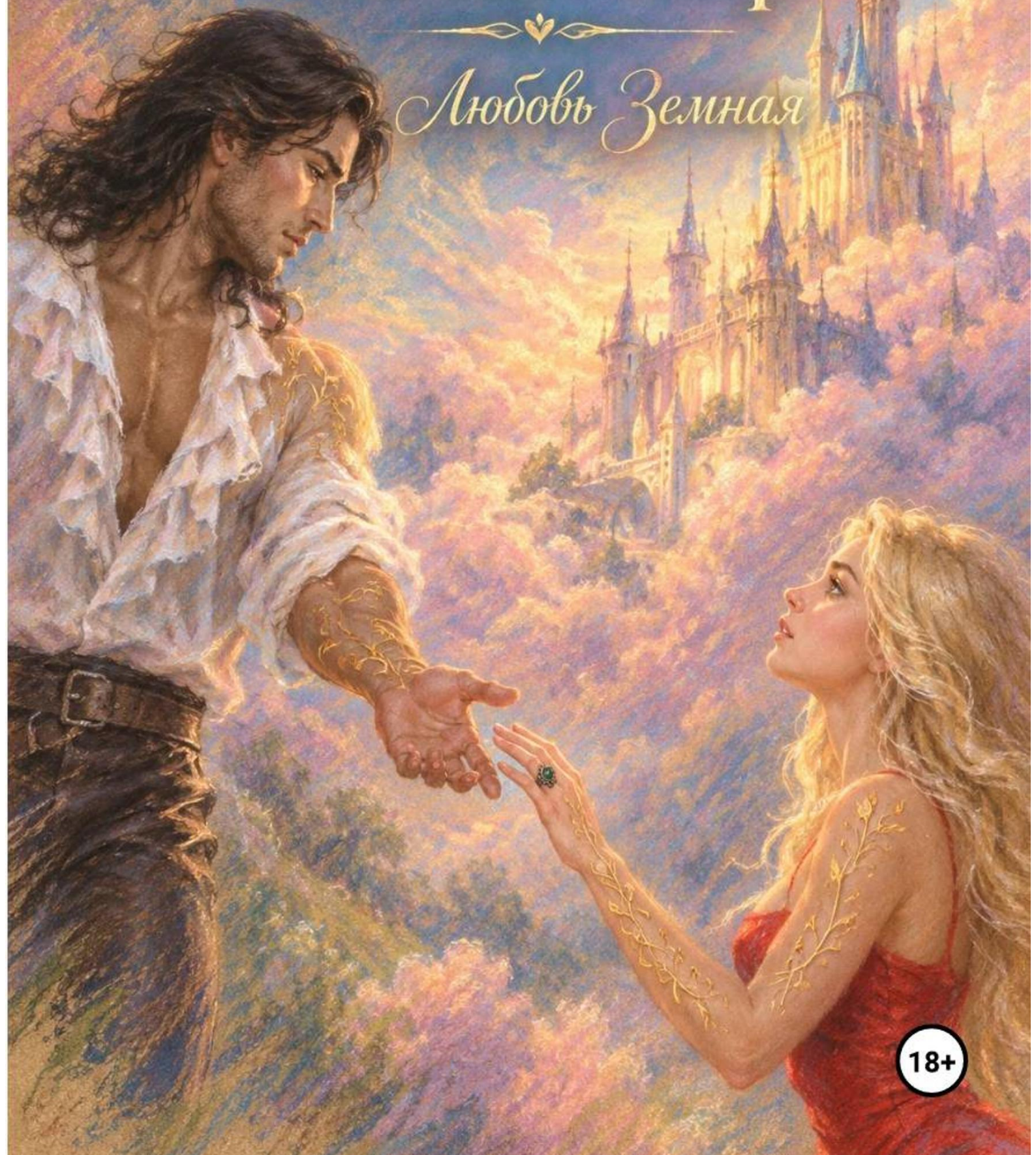

Любовь спасёт мир

Любовь Земная

18+

Любовь Земная

Любовь спасёт мир

«Автор»

2026

Земная Л.

Любовь спасёт мир / Л. Земная — «Автор», 2026

Одно кольцо. Два мира. И любовь, без которой один из них рухнет в облака. Алина работает в антикварной лавке, не верит в сказки и старается не думать о бывшем. Пока однажды не надевает старинное кольцо с зелёным камнем — и не встречает на ночной улице мужчину, которого здесь быть не должно. Эйвар, наследник парящего в облаках Ардона. Ведьма, проклявшая его род, оставила единственное условие: он полюбит только ту, что наденет это кольцо. И вот она нашлась — в мире, где нет ни магии, ни королей. Теперь Алине предстоит узнать, что существуют другие миры, а спасение Ардона зависит от её любви.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Любовь спасёт мир

Глава 1

В девять Алина отперла дверь в магазин и вошла внутрь. Она подобрала с пола прошлогодний журнал и положила на подоконник, включила свет.

Лампы в витрине загудели, в стекле проступило отражение: витрина с бронзовыми часами, горка с фарфором, она сама, с ключами в руке. Алина поправила выбившуюся прядь. Красота ей скорее мешала: светлые волосы ниже лопаток, зелёные глаза, в институте её запомнили как «ту блондинку с первого ряда», в магазине постоянные покупатели приносили шоколадки, а Стас как-то сказал: «С тобой неудобно ссориться, люди сразу думают, что я сволочь». Он, может, и не был сволочью. Он просто не устоял, и в телефоне у него осталось сообщение от какой-то Леры с сердечком, которое Алина прочитала месяц назад, стоя в ванной с зубной щеткой во рту.

Она прошла между рядами, тронула пальцем крышку рояля, на котором никто не играл лет сорок, поправила бархатную подушечку под кольцами в витрине. Колец там было шесть: обручальное кольцо с пробой, два перстня с сердоликом, брошь-звёздочка, которую Григорий Львович упорно называл «кольцом», и серебряный браслет с бирюзой без пары.

— Алиночка, — из подсобки вышел хозяин, в жилете поверх рубашки и с очками на шнурке, — вода в кулере кончилась. И звонил этот, из Твери. Сказал, привезёт к обеду. Ты уж прими, у меня давление.

— Приму, — сказала она.

Григорий Львович вздохнул и ушёл обратно считать накладные, а она осталась смотреть на улицу, где дворник скрёб тротуар. Ноябрь. Серое небо, мокрый асфальт, огни аптеки через дорогу.

В полдень приехал фургон. Он въехал во двор задом, сигналив так, будто вёл не «газель», а по меньшей мере поезд, из кабины выбрался мужчина в брезентовой куртке, с лицом человека, который всю жизнь возит чужие вещи и ни разу не удивился ни одной из них.

— Хозяйство покойной Гавриловой, — сказал он вместо приветствия. — Внучка продаёт, сама в Израиль уехала. Там семь ящичков и коробки, рояль не берём, рояль у нас уже есть.

Она расписалась, и началось: картины, газеты, свёрнутые в тряпки старинные подсвечники, фарфор, стопка пластинок. Грузчики работали молча и складывали ящики в подсобке у стены.

— Тут ещё шкатулка, — сказал второй, самый молодой — Мелкая. Её куда?

— Давай сюда, — Алина подставила руки.

Шкатулка была тяжёлой, красного дерева, с латунным замком, внутри что-то перекатывалось когда она наклоняла её, — тихо, как камешки.

Замок поддался не сразу. Внутри, на синем бархате, лежали латунный ключик и обрывок синего шёлка, в который было завернуто что-то твёрдое. Алина развернула ткань. В ней оказалось завернуто кольцо.

Кольцо было тяжёлым, будто внутри прятался ещё кусочек металла. Тёмное серебро, почти чёрное от времени, широкий ободок покрыт узором из листьев, а в середине сидел камень, зелёный, с мутной искрой в глубине, как у бутылочного стекла на солнце. Оно не блестело, как блестят новые вещи, и потемневшие бороздки узора приходилось разглядывать. Она повернула кольцо к лампе. По внутренней стороне ободка шли мелкие знаки, не буквы и не клеймо: завитки, насечки, будто кто-то чертил иглой, а потом стёр половину. Клейма не было вовсе.

Из подсобки вышел Григорий Львович, заглянул ей через плечо.

— Серебро?

— Похоже.

— Не наше. И клейма нет, значит, и цена ему... — Он пошевелил пальцами. — Да забирай, чего там.

— Нет, — сказала Алина. — Пишите в накладную.

Он вздохнул, назвал сумму, она отсчитала и положила деньги в кассу. Кольцо она завернула в синий шёлк, вернула обратно в шкатулку, и положила в сумку.

Глава 2

В Ардоне не бывает пыли. Ветер уносит её раньше, чем она успевает лечь на камень, и слуги только для порядка ходят по залам с мокрыми тряпками.

Замок стоял на скале, в облаках. Их было видно из любого окна: внизу, под террасами, они лежали сплошным морем, и на рассвете становились розовыми, к полудню белыми, а к вечеру наливались синим, как чернила в воде. Из садов на верхней террасе сбегали ручьи, падали с края и рассыпались в облаках мелкой водяной пылью, радуга стояла в этом месте почти всегда, даже ночью, если светила луна. Вокруг главной скалы поднимались ещё четыре, пониже, соединённые с нею мостами на каменных опорах, и по мостам сновали вейры, серо-кожие, с перепончатыми крыльями, сложенными на спине, как мокрый шёлк. Они служили гонцами.

Ниже облаков не было ничего. Сизая мгла, в которой не различалось ни дна, ни дали, и старики говорили, что оттуда когда-то пришли первые Орвейны и принесли с собой свет, на котором держится Ардон.

В саду под серебряными липами король Тарн Орвейн, третий этого имени, держал на коленях годовалого сына. Мальчик тянулся к листу, король не давал, и оба были этим заняты уже добрых полчаса. Внизу, на террасе, придворные делали вид, что не смотрят на короля.

Вельма вошла в сад со стороны водопада. Никто её не вёл, никто не докладывал, и двое стражников у решётки потом божились, что не видели вообще никого, хотя стояли в трёх шагах.

Она была маленькая, сухая, в платке, в стоптанных башмаках, с узелком в руке. От неё пахло дымом и мокрой шерстью, и этот запах в саду, где пахло липой и водой, был настолько чужим, что мальчик на коленях у короля замолчал и обернулся.

— Кто ты такая? — Спросил король.

Марта не поклонилась. Она смотрела не на него, а на мальчика, мальчик смотрел на неё, засунув в рот два пальца.

Ветер в саду стих. Водопад за липами продолжал падать, но звук его стал глуше.

— Род ваш не угаснет, — сказала Марта. — Он будет тянуться, и с каждым новым Орвейном свет в Ардоне будет слабеть. Сначала незаметно. Потом придворные начнут замечать, что зимы стали длиннее, а радуга над водопадом пропала. Потом облака под замком потемнеют и полезут вверх, к террасам, и однажды кто-то из ваших слуг утром увидит мглу у самых перил. А потом настанет день, — продолжала она, не повышая голоса, — когда мир начнёт падать. И спасти его придётся вашему потомку. Не вам, не сыну вашему. Тому, кто будет после. Через несколько столетий.

Марта посмотрела на него с усмешкой.

— И спасти мир он сможет только одним. Любовью, ваше величество.

В саду стало очень тихо. Даже водопад умолк.

— Любовью, — повторила она.

— Безумие.

— Он полюбит только ту, которая наденет это кольцо. Одну-единственную, во всех мирах, во все времена.

Она подняла руку, и воздух над дорожкой сгустился. Он свернулся воронкой, в ней замелькали чужие края: снег, огни, мокрая улица, комната с жёлтой лампой. Кольцо сорвалось с её ладони, крутанулось и пропало. Воронка схлопнулась с сухим щелчком, и в саду снова запахло липой и водой.

Глава 3

В субботу Алина проснулась в одиннадцать и до двух ничего не делала: лежала на диване, листала телефон. Телефон зазвонил в половине третьего.

— Алин, ты живая? — Рита всегда начинала с этого, будто Алина могла умереть и не сообщить.

— Живая.

— Отлично. Значит, в девять в «Бархате». Не спорь.

— Я не хочу.

— Знаю, что не хочешь. Все не хотят, а потом танцуют на барной стойке. — Рита чем-то шуршала, наверное, пакетами из магазина. — Дашка берёт машину у брата, заедем за тобой.

— Я сама приеду.

— Значит, ты едешь. Всё, целую, надень что-нибудь красное, тебе идёт.

Алина положила трубку и ещё минуту смотрела в потолок. Месяц назад она бы отказалась наотрез. Два месяца назад, позвонила бы Стасу. Сейчас она встала, открыла шкаф и достала платье, которое висело там с прошлой зимы: красное, облегающее, безумно красивое.

К восьми она уже стояла перед зеркалом в прихожей. Волосы распустила. Помаду выбрала ярче обычного, под платье. Подвела глаза. Туфли красные, на высокой шпильке.

Такси пришло раньше на десять минут. Алина заметалась по прихожей: ключи, телефон, духи в сумку. Уже в пальто, уже с рукой на замке, она вспомнила, остановилась и вернулась в комнату. Шкатулка стояла на комодке между книгами. Алина подняла крышку, достала из синего шёлка кольцо, повертела его в пальцах, и сунула в карман платья. Выбежала на лестницу и побежала вниз, стуча каблуками по ступеням.

Алина смотрела на мокрое шоссе, на огни, расплывающиеся в каплях на стекле, и слушала, как водитель ругается на всех сразу: на пешеходов, на коллег, на погоду.

«Бархат» был модный, недавно открывшийся клуб. Тяжёлая дверь, очередь из девушек в коротких шубках, два охранника с одинаковыми стрижками. Внутри гремела музыка, красный свет, зеркальный потолок, бархатные диваны вдоль стены.

Подруги сидели за столиком: Рита в серебряной юбке, которая ловила каждый блик, и Даша в чёрном, с телефоном в руке.

— О, явилась! — Рита вскочила и обняла её так, что Алина покачнулась на шпильках. — Какая ты... ого. Ты вообще видела себя? Садись. Пьём?

— Я на такси, между прочим. Мне можно.

— Вот это разговор. Дашка, заказывай.

Принесли коктейли в высоких бокалах. Даша рассказывала, как пациент уснул у неё в кресле с открытым ртом и она полчаса работала под храп. Рита рассказывала про клиента, который просил сшить ему чехол на рояль из бархата цвета «моего кота». Алина смеялась так, что пришлось поставить бокал, и в какой-то момент поняла, что не думает ни о Стасе, ни о том, что он её бросил.

Потом пошла в туалет. Коридор был длинный, у самого поворота, где начиналась лестница, она увидела Стаса.

Он не заметил её. Он целовал девушку в коротком платье, придерживая её за талию, точнее, ниже талии, рука лежала у неё на бедре, и пальцы чуть собрали ткань. У девушки были босоножки на тонком ремешке и волосы, забранные высоко в хвост.

Алина прошла мимо, толкнула дверь туалета, закрылась в кабинке и села на закрытую крышку. Горло сжало, глаза защипало, она очень внимательно посмотрела вверх, на лампочку, потому что если смотреть вверх и часто моргать, тушь не потечёт. Тушь не потекла. Алина вышла, вымыла руки, поправила волосы, поправила помаду и вернулась за стол.

— Ты чего? — спросила Рита, сразу, без предисловий.

— Стас там. У лестницы.

— Один?

— С девушкой.

Рита поставила бокал.

— Хочешь, я ему в коктейль плюну?

— Не надо. — засмеялась Алина.

— Тогда пей. — Даша пододвинула к ней розовый бокал и заказала ещё, и ещё, и они стали вспоминать школу, первую учительницу, которая носила парик набок, как Рита на выпускном упала в фонтан. Алина смеялась. В голове захмелело.

В половине второго она встала.

— Я домой. Вызову такси и поеду.

— Оставайся. — Рита поймала её за руку. — Проводить тебя?

— Не надо. Правда.

Алина стояла на ступеньках, застёгивая чёрное пальто непослушными пальцами, и искала телефон в сумке. Достала телефон, вызвала такси. Потом провела по платью, распрямляя складки. Голова кружилась. Пальцы прошлись по карману.

Кольцо. Она же совсем забыла про кольцо.

Она достала его на ладонь. Под фонарём камень казался тёмно-зелёным, почти чёрным, и в глубине его как будто горела искра. Алина посмотрела на кольцо ещё раз и надела его на безымянный палец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.